

* * *

Лишь только прослышит над Эжвой
осеннюю песнь журавлей
село, отдохнувши на вежах,
мечтает догнать их скорей.

И церковь и люди, и кони,
деревья, и тени теней
пускаются, словно в погоню
за сладкой мечтой журавлей.

Но сделав всего-то три круга,
к земле возвратилось село;
и долго вздыхала округа,
извечно лишь нам не везло.

* * *

Я осенних лесов лепоту
разглядеть опоздал.
Да и с роццей знакомой, увы,
опоздал попрощаться.
Мне извечная тяжесть земная
на сердце легла неспроста,
Вот и здесь не успел,
да и там не увидать мне счастья.

Эжву мчащую воды во тьму —
разглядеть опоздал,
при луне
в вечеру
не услышу,
как нежатся волны.

Пусть другие гармонию мира читают с листа.
То, что видывал я, мне, пожалуй, и правда — довольно.

Опоздал, опоздал...
Сентября не найдёшь и следа.
Опоздал, опоздал...
Время в зиму дороженьку топчет.
Волость спит.
Всё минуло вокруг — для меня навсегда.
Одинокая утка...
Но та хоть тепла достичь хочет.

* * *

Что за сон был этой ночью,
Господи, прости:
Мир безлюден, в нём остался
я совсем один.
Будто это всё не сказка,
и не бред, не сон —
Хлябь разверзлась,
стали горы океанским дном.

Будто жизни ток прервался
на планете всей,
все исчезли: бриты, саксы,
коми, чудь и мерь.
Боже, что ж меня оставил
в таком аду?
Сон мой жуток... в грустной яви
пусть себя найду.

* * *

После черни осени и зимы беляня
небо расколосось, как весной лёд.
Что там грохотало? Гор каких каменя
вечность исторгала средь обильных вод.
Град с дождём — минули. Время стало бьялю.
Ворон, высь измерив, новый слышит звук.
По полям безбрежным, белым, снежным, стылым
три подводы серых движутся к селу.
Три подводы серых, серых три подводы
к дому подъезжают, дому моему.
Вижу — то не гости. Знаю, так увозят
за Урал горючий;
поцады никому.
За собачью шубу, за собачью шапку
всё село готовы вытрясти в Сибирь.
Ворон низко кружит, принимаясь каркать,
им поёт от страха о своей любви.
Знаю, память мучит, снится мне всё это.
Нет телег тех серых, и возниц тех нет.
Беды те минули, милосердно небо.
Что же ворон кружит над селом с тех лет?..
За Урал суровый не меня ссылали.
На телеге серой деда увезли.
Но лишь град по крыше, но лишь серых стая...
Кровь бунтует душу правду рассказать.

БЕЛАЯ РУБАШКА

Сшила мама белую рубашку.
Не видал добротнее и краше.
А весенней ночью, ночкой белой
обишвала сестрица умело

Всю рубаху мне узором коми.
Видел я такую на знакомом,
дед носил такую, прадед даже;
что богат он был, совсем не скажешь.

Белоснежна и свежа рубаха,
прорубью, морозцем она пахнет,
на душе, когда её наденешь,
чисто, тихо, сам себе не веришь.

Счастье это — белую рубаху —
нынче насовсем в комоде убрал я,
после похорон сестрицы чаще
чёрную ношу, как знак печали.

Счастье, что осталась мне на память
вышита сестрой рубашка мамы:
белый цвет — то жизнь её белёна,
а душа — узором в ней вплетёна.

Белая моя рубашка коми,
и отец носил такую — помню,
знаю, дед носил, и прадед даже,
не богато поживали — что тут скажешь.

* * *

Сказанное слово возвратится в землю.
По весне пробившись, всколосится рожь,
а когда поспеет, будет коми-мельник
по слогам просеивать правда где и ложь.

Выйдет время — коми бабушка замесит
из муки той тесто на ржаной свой хлеб.
А взойдёт то тесто, словно полный месяц,
подцепивши с неба, в печку окунет.

Каравай достанет, да и с пылу с жару
водрузит любезного в самый центр стола.
Разломив, положит хлеб к иконам старым.
Может век быть молод — традиция стара.

А затем на кладбище побредёт с молитвой,
припадёт к родимичам, припадёт к корням.
Хлеба им ржаного, принесёт поминного.
Сказанное слово примет вновь земля.

Может так случиться, сам собой, незванный
сквернослов и пьяница к бабушке зайдёт.
Что-то ищет богово в мире непрестанно
человек убивший брата своего.

Может духи добрые на огонь заглянут,
водяной и леший — тут всегда как тут;
а коль двери настезь, да звенят стаканы —
понабьётся нечисти кому-то на беду.

По такому случаю — вышел коли праздник —
обойтись не выйдет без богатырей:
с шумом-гамом Пера вломится проказник,
Йиркап придвинет друга на скамье.

Соберутся все здесь. Нет числа гостям тем.
Всем почёт — не важно — стар ты или млад.
Здравствуй, Виттор Савин... Наше — Тима Веню...
Всем достанет хлеба и места у стола.

В тесноте (известно) не в обиде, — скажут,
если хлеб преломлен и в беседе лад,
пусть о слове вспомнят, что уходит в пашню,
про меня земного и мои дела.

Может моё слово, ржи зерном упавши,
к солнышку пробьётся, до людей дойдёт
сквозь века земные, сквозь теснину пашни.
Коми-мельник для него жернова найдёт.